

Кирилло-Белозерский монастырь — возобновитель Валаамской обители

Одной из малоизвестных сторон жизни Кирилло-Белозерского монастыря является характер его взаимоотношений с приписными к нему обителями. Исследователи определяют их как «зависимость» малых монастырей от большого: «Мелкие белозерские монастыри находились в зависимости от двух крупных монастырей края: Кириллова и Ферапонтова. Это мы видим из грамоты княгини Марии Ярославны кирилловскому архимандриту Нифонту от 1477 г. о раздаче монастырям кормовых денег: «...в ваш [в Кириллов] монастырь по 4 рубля, то вам и с вашими монастырями с тем, которые к вашему монастырю тянут, в Ферапонтов давайте по 3 рубля, то им с их монастыри с теми, которые к Ферапонтову тянут» [1, 55]. Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иаков (Поспелов; † 1896) пишет, что в XVI в. около Кирилло-Белозерского монастыря возникло немалое число скитов (по примеру Нило-Сорского); «они были приписаны к Кирилловой обители, ею поддерживались, от нее получали настоятелей, в нее же укрывались пустынники, оставлявшие по охоте или по нужде свои скудные пустыни». Из таких скитов, кроме Нило-Сорского, архимандрит Иаков называет Христофорову пустынь, пустынь старцев Нила Полева и Днионисия Звенигородского, пустыни Порфириеву, Артемиеву, Георгиевскую в Напорожье «и многие другие» [2].

Об обителях, подчиненных «Северной лавре», архимандрит Иаков пишет: «В первой половине XVII в. некоторые бедные и малолюдные пустыни, которые не были в силе поддерживать самостоятельное существование, приписывались к богатым монастырям. Такая общая мера была принята, как видно из просьб о приписке, подаваемых некоторыми пустынями, например Филиппо-Ирапской, с той целью, чтобы их защитить от посторонних посягательств и обид, причиняемых помещиками и даже крестьянами. Кирилло-Белозерский монастырь, как один из богатых и сильных, получил в управление несколько пустыней Белозерского края. К нему были приписаны пустыни Никитская, Городецкая, Благовещенская, Ворбозомская, Нилов скит Сорский, Николаев-

ская Ковжская. Под попечением Кирилловой же обители находился возникший после свидетельства Иродиона (1658) Иродионов Илоезерский скит. Вместе с пустынями к монастырю перешли и земельные их владения. Строители туда, в пустыни, избирались из монастыря и, приезжая, принимали все по отписным книгам. Такой порядок вещей продолжался до издания штатов, когда все приписные пустыни были вовсе уничтожены» [2].

В разное время за период с середины XVII по XVIII в. к Кирилловскому монастырю официально было приписано 11 малобратственных обителей: Николаевский-Ковженский-Курьюжский (или Курдюжский) монастырь; Благовещенский-Ворбозомский в Арбазове, или Изосимина и Зосимовская пустынь; Никитский, или Никитский-Белозерский, монастырь; Нила Сорского Сретенская пустынь; Горицкий Воскресенский девичий монастырь; Спасский Вожеозерский, или Чарондский Воздвиженский; Предтеченская Кленовская пустынь; Троицкий у Кайсарова ручья, или Герасимова пустынь; Казанская пустынь; Илоезерская Иродионова, или Озадская Родионовская, пустынь.

Интересным источником для исследования этой стороны жизни и деятельности Кирилловской обители являются сведения из истории одного из таких приписанных к нему в XVIII в. монастырей — знаменитого Валаамского Спасо-Преображенского (состоял приписным с 1716 по 1736 г.), расположенного на острове Ладожского озера. После полного уничтожения этой обители в 1611 г. иноверцами Валаамский остров отошел к Швеции почти на 100 лет и был возвращен России лишь в 1710 г. в результате победы русских в Северной войне. За восстановление древнего Валаама взялась иноческая община Кириллова монастыря во главе со своим настоятелем архимандритом Ирнархом (игуменствовал с 6 декабря 1705 г. по 4 апреля 1732 г.). Сведения о самых первоначальных трудах кирилловской братии по возрождению Валаама сохранились не столько в Кирилловском архиве, сколько в Валаамском — в монастырских

документах и краткой летописи монастыря, которые были изложены валаамскими иноками в историческом описании их обители. Вот что говорится об этом самом начальном периоде возобновления иноческой жизни на Валааме: «Архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иринарх поверг Императору Петру Первому чрез его любимца — князя Меншикова доклад о восстановлении Валаамского монастыря на прежнем его основании. Можно думать, что и Государю небезызвестен был Валаамский остров, что в частых поездках своих в Олонецкий край он не раз посещал мимоездом Валаам и мог наглядно судить, какое удобство к иноческому пребыванию имеет этот пустынный остров, мог лично видеть и почувствовать печальное и одинокое положение святых мощей преподобных Сергия и Германа, и отсюда, естественно, в его сердце могло возгореться желание снова водворить сонм подвижников на Валааме вокруг священной могилы святых Первоначальников. И вот последовал 1715 года указ Императора о восстановлении монастыря. Донося о такой воле Государя преосвященному Аарону, епископу корельскому и ладожскому, игумен Кирилло-Белозерского монастыря Иринарх просил благословения владыки: «На Ладожском озере, на Валаамском острове, строить вновь монастырь и в нем церковь Преображения Господня с приделами святых апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного». Преосвященный Аарон, епископ корельский и ладожский, дал на сей предмет Кирилло-Белозерского монастыря игумену Иринарху благословенную грамоту следующего содержания: «1717 года, февраля в 17 день. По указу великаго господина преосвященного Аарона, епископа корельского и ладожского, в нынешнем 1717 году, сего февраля в 15 день, нам, преосвященному епископу, били челом Кириллова монастыря Белозерскаго архимандрит Иринарх с братиею, а в челобитье их написано: в прошлом 1715 году по имянному Его Великаго Государя указу повелено им, архимандриту с братиею на Ладожском озере, на Валаамском острове, строить вновь монастырь и в нем церкви Божии, о котором строении ныне он, архимандрит с братиею, и бьют челом, дабы на том острове построить вновь монастырь и церковь во имя Преображения Господня, и с пределы святых апостол Иоанна Богослова, Андрея Первозванного, а без Его Великаго Государя указу онаго чинить не смеют, и чтоб преосвященному епископу пожаловать его архимандрита с братиею, велети б на вышереченном острове оную церковь Преображения Господня с приделы вновь построить, и о том дать указ, и по его преосвященнаго указу велено на оном Валаамском острове вышереченную церковь во имя Преображения Господня с приделы строить и ко оному церковному строению лес ронить и всякой церковной припас

готовить из того лесу построить на том острове вновь вышеозначенную церковь во имя Преображения Господня с приделы и верхи б на той церкви и на приделех были нешатровые и олтари сделать круглые тройные, а в церкви в олтарной стене посреде б были царские двери: по правую их сторону — южные, а по левую — северные, да подле царских дверей, меж южных, поставить образа всемилостиваго Спаса, а по левую сторону царских дверей, меж северных поставить образ Пречистыя Богородицы и инныя образы по чину. Да как Божиею помощию оная церковь и с приделы построены и ко освящению совсем изготовлены будут и о освящении и о антиминых бить челом впредь преосвященному епископу, также и к монастырскому строению удобней лес преуготовить, из которого ограду и кельи потомуж строить по рассмотрению» [3]¹.

¹ Приведа полный текст благословенной грамоты преосвященного Аарона на строительство Валаамского монастыря [4], авторы данного труда, излагающая дальнейшую историю возобновления Валаамы, указывают источники представленных ими сведений, а именно — документы из архива Валаамского монастыря. В настоящее время эти документы находятся в Финляндии, в Ново-Валаамском монастыре, и практически недоступны для исследователей. Поэтому, цитируя далее книгу «Валаамский монастырь и его подвижники», мы оставили ссылки авторов на источники, поместив их в тексте в скобках.

«В марте месяце 1717 г., на одиннадцати лошадях прислана была из Кириллова на Валаам церковная утварь: крест серебряный позолоченный, ризы крашенные и проч., также хлебные припасы и разныя хозяйственные орудия. Скоро приступили к возобновлению монастыря. На первый раз нужно было построить церковь. Первым строителем был инок Александр Рябининский. (Благословение Белозерского монастыря архимандрита Иринарха Валаамского острова строителю монаху Александру Рябининскому с братиею; копия в монастырском архиве.) В возобновившейся обители открылись большие неурядица; смущаясь ими, строитель Александр просил смены. Преемники его в записках монастырских упоминаются иеромонах Савва — 1720 г. и иеромонах Тихон — 1721 г. (Краткая летопись монастыря). В самом начале 1719 г. церковь с приделами была уже построена; все строения были деревянные. Преосвященный Аарон, получив о сем 8 января 1719 г. донесение от архимандрита Иринарха, прислал на Валаам немедленно от 11 числа того же января три освященных антиминых и благословил освятить церковь с приделами или архимандриту Иринарху, или Валаамской пустыни строителю иеромонаху, с диаконом соборне, благорассудно присовокупив в благословенной грамоте, чтобы церкви были освящены, как требовалось в то время и

Монастырь с церковными постройками в XVII в.

постановлениями церковными, по чину по новоисправленному требнику. Ибо в лета запустения Валаамской обители, с 1611 по 1720 г., успел образоваться раскол, державшийся упорно старопечатных книг.

Повоюстроенную церковь освятил сам архимандрит Ирнарх: из монастырской записи видно, что он был на Валааме 13 марта 1729 г. и постриг в монахи Исидора Шарова, впоследствии Иосифа, строителя Валаамского монастыря. В строители был произведен о. Иосиф в 1724 г. 12 февраля (Краткая летопись монастыря). Так положено основание к восстановлению Валаамской обители, которая в течение векового запустения вовсе вышла было из памяти прежних своих почитателей» [3, 67–70].

Это краткое известие об обстоятельствах возобновления Валаамского монастыря включает в себе много интересного не только из истории Ки-

рилло-Белозерской обители, но и из жизни севернорусского монашества в целом.

Прежде всего у читателя возникает вопрос: почему восстановлением Валаамского монастыря озаботился именно Кириллов монастырь, отстоящий от него за 500 верст и принадлежащий к другой (тогда Вологодской) епархии? Действительно, все обители, приписанные к Кирилловой в XVII–XVIII вв., «тянули» к ней по территориальному признаку: они находились в Кирилловском и Белозерском уездах. Исключением из них по удаленности расположения являлась лишь Герасимова пустынь в г. Вологде — самая древняя на вологодской земле, основанная преподобным Герасимом († 1178) — первым исторически известным вологодским святым, постриженником Киево-Печерского монастыря. Факт этой приписки свидетельствует скорее о высоком духовном статусе и главенствующем месте Кирилловского монастыря в иерархии вологодских обителей, чем о практической, бытовой необходимости. Гораздо ближе, чем к Кириллову, Валаам расположен к Новгороду, известному своими древними и славными иноческими обителями.

Немалое удивление вызвал факт этой приписки в 1736 г. у небезызвестного автора «Духовного регламента» (1721) Феофана Прокоповича, в то время члена Синода и Новгородского архиепископа, в ведение которого в 1733 г. был отдан Кексгольмский уезд с находящимся там Валаамским монастырем. Тогда же по инициативе Феофана Прокоповича Синод возбудил следственное дело по этому возмутительному факту. В результате расследования Синод не обнаружил именного указа Петра ни о возобновлении Валаамского монастыря, ни о приписке его к Кирилло-Белозерскому монастырю, а только указ царя об отдаче острова Валаам Кириллову монастырю в вотчину.

Данное обстоятельство возобновления Валаамского монастыря вызвало недоумение и у современных историков. К сожалению, единственная изданная после 1903 г. книга по истории этой древней обители по данному вопросу превзошла по тенденциозности даже мнение подчиненных

Феофану синодальных чиновников. Вот какую оценку деятельности архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря Иринарха дают авторы новой книги «Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия», вышедшей в 1991 г.: «Со своей стороны архимандрит Иринарх решил “выжать” из Валаама больше, чем могли ожидать в губернской администрации. Он объявил епископу Ладожскому и Корельскому Аарону, во вновь образованную епархию которого входили Валаамские острова, что «по имянному его великого государя указу велено... на Валаамском острове строить вновь монастырь». И далее: «Через два десятка лет Синод проведет расследование причин строительства нового монастыря на Валааме. И никакого указа Петра I обнаружено не будет. И, так же как у Синода, у нас есть все основания считать, что Иринарх попросту обманул епи-

скопа, уверяя его в несуществующем указе. Проя епископа благословить строительство монастырской церкви, Иринарх для пушей убедительности подчеркнул, что “без... великого государя указу оногo чинить не смеют” (!). И Аарон благословил это строительство... Чем руководствоваля архимандрит Иринарх, идя на обман, трудно сказать» [5, 57—58].

Прежде чем возвратиться к вопросу о причинах, побудивших кирилловского архимандрита взять на себя чрезвычайно тяжелое для того времени дело строительства нового монастыря, остановимся на попутном вопросе о «незаконном», по мнению авторов книги, возобновлении Валаамского монастыря, возрожденном якобы не с разрешения царя, а в результате обманных действий кирилловского архимандрита. Для этого, на наш взгляд, необходимо возвратиться в XVII век.

Царь Петр Алексеевич и возрождение Валаамской обители

Описывая скитания валаамской общины по разным обителям Новгородского края с 1611 г. вплоть до обретения ею в качестве новых стен Васильевского монастыря в г. Старая Ладога с разрешения царя Алексея Михайловича в 1618 г., составители книги «Валаамский монастырь и его подвижники» писали: «Весьма замечательно, что валаамские иноки, проживая в Васильевском монастыре, не считали себя его постоянными обитателями и монастырь этот — своим. Нет, и строитель и иноки по-прежнему считали Валаам своим местом, себя — иноками Валаамского монастыря, взирая на Васильевскую обитель как на временное пристанище для своего упокоения. Так, упомянутый строитель Евфимий, через 34 года после разорения Валаама, повергая прошение царю Алексею Михайловичу о возвращении колоколов из Юрьева монастыря, именует себя с братиею строителем “Преображения Спасова и преподобных отец Сергия и Германа Валаамских чудотворцев — Васильевского монастыря” [3, 61]. При этом авторы XIX в. не затрагивают вопроса, который, по-видимому, казался им совершенно закономерным, а именно не указывают на тот не менее замечательный факт, что пребывание иноков вне стен своего знаменитого монастыря (в XVI в. именовавшегося «Честною и Великою Лаврою»), считали временным явлением и русские самодержцы. Известны их льготные грамоты Валаамскому монастырю, начиная с жалованной грамоты великого князя Василия Ивановича за 1507 г. [3, 52—53]. “Лета 7124 (1616 г.) июня 4” эти грамоты подтверждает “государь царь и великий князь Михаил Феодорович всей Русии”, а “лета 7154 года (1646 г.) марта 5” их подписы-

вает “благочестивый и великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии самодержец” (РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. Д. 93. Л. 1395). Таким образом, русские самодержцы закрепляли юридические права Валаамского монастыря в период его небытия, когда не только он сам, но и карельские вотчины его в соответствии со Столбовским мирным договором 1617 г. находились за рубежом Русского Царства, «за межей у немецких людей».

Непоколебимая вера русских царей в то, что Валаам, как неотъемлемая часть Русского государства, лишь на время вышел из состава русских земель, была, очевидно, основана на известии русских летописей и Степенной книги о том, что до Ладожского озера доходил в своем благовестническом путешествии апостол Андрей Первозванный. А в некоторых древних новгородских преданиях говорилось о том, что апостол следовал по реке Волхову, направляясь не просто к Ладожскому озеру (в древности озеро Нево), но даже к Валаамским островам (об этом см. далее). В соответствии с этими сведениями остров Валаам является крайней северной точкой в маршруте апостола по территории нынешней России. Это древнее и столь важное для русской истории известие не могло не повлиять на вековой преемственный процесс державного строительства православного Русского государства. Например, в Степенной книге, составленной при святителе Макарии, митрополите Московском (XVI в.), уже дается толкование действий апостола Андрея в земле Русской как имевших прообразовательное значение. Так, по Степенной книге, своим благословением и водружением

креста на горах Киевских апостол прообразовал имевшее быть в Русской земле святое крещение истинного благочестия и священное чиновначалие, а жезлом, водруженным на севере (в Грузии), прообразил в Руси самодержавное царское скипетроуправление, которое началось с Рюрика, пришедшего из варяг и бывшего из потомства Пруса, брата римского кесаря Августа. По-видимому, то обстоятельство, что в доме Рюрика, а затем и в доме Романовых относились к известию о посещении Русской земли первоизбранным апостолом как к пророчеству о православном неделимом царстве, и было причиной такого отношения Романовых к уничтоженному Валаамскому монастырю.

Известно, какое большое идеологическое значение придавал Петр I сведению об апостольской проповеди на территории нашего отечества, особенно в северных его пределах. Именно первый русский император утвердил официальное почитание памяти апостола Андрея как апостола России. В 1698 г. в России был утвержден первый по времени и самый почетный орден в честь этого апостола, на котором он наречен особенным покровителем России. Русский флот получил Андреевский флаг.

Петр I, главным внешнеполитическим направлением которого можно назвать балтийский вопрос, являлся продолжателем политики русских царей — своего деда и отца — по возвращению северо-западных территорий, отошедших к шведам по позорному для русских Столбовскому договору. Здесь же, на территории бывшей Новгородской пятины, основывает Петр новую столицу Российской империи — Петербург — град святого апостола Петра — как новый Рим, между тем как апостолом всей Российской империи провозглашает брата первоверховного апостола Петра — Андрея Первоизбранного, освятившего эти земли своими стопами, в соответствии с русским церковным преданием.

Так имелся ли именно Его Величества Государя указ о повелении кирилловскому архимандриту с братией «строить вновь монастырь» на Валаамском острове? Известие о существовании этого указа содержится в доношении архимандрита Иринарха епископу Корельскому и Ладожскому Аарону. По словам Иринарха, разрешение царя на строительство монастыря было получено в 1715 г. В 1717 г. Иринарх в челобитной испрашивает благословение у епископа Аарона на это строительство, где и ссылается на царский указ 1715 г. Самого указа Петра не сохранилось. В архиве Кирилловского монастыря сохранились документы только о его имущественных правах по отношению к Валааму — сведения об указе Его Императорского Величества от 6 февраля 1716 г. о том, чтобы «на ладожском озере валаамским

островом со обретавшимся на нем крестьяны и пашней и ловлей и с санными покосы и со всеми угоды ему Архимандриту Иринарху и потом кто будет другие архимандриты с братией владеть Кирилову монастырю» (РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 2295. Л. 2). Этот государев указ был подписан князем Меншиковым, но с юридической точки зрения был равнозначен указу за подписью самого царя, так как издавался от его имени, а следовательно, с его ведома и согласия. Таким образом, если разрешение царя о возобновлении монастыря было получено в 1715 г., то валаамские вотчины приписаны к Кириллову в 1716 г., и уже в 1717 г. Иринарх изъявляет готовность к началу монастырского строения, испрашивая на то благословения у епископа Аарона. Получив от него благословенную грамоту, Иринарх в том же 1717 г. открыто ссылается на царский указ 1715 г., обращаясь с письменным прошением к широким кругам доброхотных дателей с просьбой пожертвовать средства на восстановление Валаама: «Но ноне частицу едину по сердцу твоему даждь Христу во обитель Его просящему воспомянух обитель сию, обитель, ся же первейшим уже есть создателем и возобновителем первейший Государь, Царь наш Христолюбивый, ибо Его Царского Священнаго Величества указом, что первое превеликую быти вменяем милостыню, велено возобновить святую оную обитель, бывшую на острове Валааме, что на Ладожском озере, где и поныне опочивают чудотворцы Сергей и Герман» [3, 69].

О том, что Петру было хорошо известно о возобновлении на Валааме монастыря, видно из сохранившейся грамоты Святейшего Синода от 11 декабря 1723 г. прибывшему из Венеции игумену Герасиму Фоке о том, что он в 1722 г. произведен из игуменов в архимандриты Валаамского монастыря: «Божиею милостию Святейший Правительствующий Всероссийский Синод. По указу всепресветлейшаго и благочестивейшаго Государя нашего Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго, объявляем сие нашу синодальною грамотою, всем всякаго чина людей, им же сия грамота объявлена будет, что пребывшей из Венеции игумен Герасим Фока в прошлом 1722 году по благоизволению Святейшаго Правительствующаго Синода произведен из игуменов в архимандрита, котором и именоваться велено архимандритом Валаамского монастыря. Во звании же своем и в должности да пребывает якоже чин и устав святых Церкви повелевает, и всякое церковное священнослужение да совершает по чину. Во свидетельствование же убо како он архимандрит Герасим во оный монастырь благоволением Божиим, и указом Императорского Величества и нашим Синодальным опре-

делением избран и чиновне произведен, дадесе ему сия наша синодальная грамота, за подписани-ем рук наших, и при печати Синодальной, в Святейшем Правительствующем Синоде: лета от воплощения Бога Слова 1723, декабря 11 дня» (РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 1903).

Как видно из грамоты, захолустный в то время Валаамский монастырь был удостоен редкого тогда статуса архимандрита, что было сделано по воле самого Петра. При этом валаамскому архимандриту было положено дать шапку из взятых в синодальную ризницу шапок знаменитого Толгского монастыря, где архимандрия перед этим была упразднена, а набедренник — из патриарших набедренников [3, 70].

О том, что действия архимандрита Иринарха по восстановлению Валаама не являлись незаконными по отношению к земной власти, свидетельствует и тот факт, что он благополучно оставался на своей должности архимандрита Кирилловского до 1732 г., не получив при жизни Петра никаких взысканий. В летописи Кирилло-Белозерского монастыря читаем: «В 1722 году посетил Кириллов монастырь император Петр I Великий. В том же году через месяц после его, проезжая из Олонецких Марциальных вод в Москву, была здесь его супруга императрица Екатерина I. Тогда архимандрит Иринарх поднес ей образ преп. Кирилла в серебряном позолоченном окладе с такими же венцом и цатою; последняя была унижена бирюзою и венисами. Императрица же Екатерина I пожаловала 50 золотых в монастырскую казну и столько же на братню» [2]. Учитывая историческую ситуацию и то немаловажное обстоятельство, что еще в 1701 г. вышел царский указ, по которому «не велено без соизволения Государя ни под каким видом строить монастырей, пустынь и пустынных скитов» (Указ 1701 г. декабря 23 // ПСЗ. (1834/Т. IV.), можно, без сомнения, сказать, что строительство монастыря без ведома царя, да еще на только что отвоеванной территории, когда еще не был подписан мирный договор (Ништадский договор 1721 г.), — такое предприятие было просто невысказанным делом для того времени.

Если вспомнить об особенностях почитания памяти апостола Андрея Петром I в связи с Валаамом, то обращает на себя факт не только «морского» (Андреевский флаг) почитания апостола Андрея, который со своим братом Петром был рыбаком, но и «островного» характера его почитания русским царем, что согласуется и с церковной традицией почитания памяти этого апостола. Так, в 1702 г. Петр посетил Соловецкий монастырь, а также находящийся в шести верстах от него Большой Заяцкий остров, где находился Андреевский скит, и повелел выстроить в пустыни

храм в честь апостола Андрея вместо находившейся там часовни. При основании Петропавловской крепости на Заячьем острове Петр закладывает под ее угол ковчег с частицей мощей Андрея Первозванного. В новой столице, на Васильевском острове, который изначально император задумал устроить наподобие Венеции (с каналами вместо нынешних улиц-линий), было определено Петром место для Андреевского собора — первой соборной церкви на Васильевском острове. На острове Котлин строится царем крепость Кронштадт («Венец-город»), где закладывается деревянная церковь в честь апостола Андрея (будущий Андреевский собор). Находит свое место в этой ассоциативной цепочке и остров Валаам с его местной особенностью почитания памяти первозванного апостола, куда Петр, как мы видели, назначает венецианского архимандрита².

² В XVII—XVIII вв. Венеция являлась книжным центром Православного Востока — там находилась типография по изданию право-славной литературы, которая тесно сотрудничала с Аароном. Видимо, венецианское «Добротолубие» XVII в. на греческом языке, хранившееся на Валааме еще с XVIII в., было оставлено здесь венецианским архимандритом Фокасом, который не выдержал суровых условий «Северного Афона» и вскоре покинул остров.

Если учесть такие особенности Петровской эпохи, как ломка русских церковных традиций, вмешательство светской власти в устои монастырской жизни, фактическое прекращение строительства новых монастырей и устранение всякой финансовой их поддержки из государственной казны, то не окажется ничего удивительного в том, что отсутствует письменный указ императора о строительстве Валаамской обители, заботу о восстановлении которой полностью взял на себя Кирилло-Белозерский монастырь, одновременно получив разрешение от царя на владение валаамскими вотчинами. Подобным же образом — силами Новгородского Деревяницкого Воскресенского монастыря — шло в XVIII в.

восстановление другого островного Ладожского монастыря, разоренного шведами, — Коневецкого, который был приписан к Деревяницкому монастырю также в качестве вотчины. Несомненно, что разрешение царя на возобновление монастыря имелось, но оно могло даже и не оформляться в виде письменного указа. Вспомним, что свое прошение архимандрит Иринарх передавал через Александра Меншикова — князя Римской империи, светлейшего князя Ижорского, который обладал исключительным правом (так же, как и князь Разумовский) передавать устные распоряжения Петра. Кавалер ордена Андрея Первозванного (был награжден им одновременно с царем в 1703 г.), он к тому времени уже владел селом Грузином, пожалованным царем своему любимцу

и известным своим преданием о пребывании здесь апостола Андрея по пути на Валаам³.

³ О почитании памяти апостола Андрея бывшим владельцем Грузинского погоста свидетельствуют данные из его жизни в ссылке, в сибирском селе Березовке. Так, в березовском Воскресенском

храме, сооруженном Меншиковым его собственными руками, в котором он отправлял должность пономаря ежедневно с величайшей точностью, хранились «парчовые священные ризы со звездами

святого Андрея на запячьях, шитые, по преданию, княгини Меншиковой» (Зиев А. С., Миненко Н. А. Секретные узники сибирских острогов. Новосибирск, 1992. С. 73).

Думается, что, учитывая особенности этой сложной и необычной для России исторической ситуации, отсутствие письменного указа Петра Первого о возобновлении Валаамского монастыря нельзя считать достаточным для вывода о том, что царь не знал о строительстве монастыря, а кирилловский архимандрит обманул епископа Кольского и Ладожского.

Итак, почему же за восстановление Валаамского монастыря взялся именно Кирилло-Белозерский монастырь?

О причинах возрождения Валаама Кирилло-Белозерским монастырем

Авторы книги «Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия» выдвигают две причины, побудившие архимандрита Иринарха к активным действиям по восстановлению Валаама. Задаваясь вопросом, почему же все-таки кирилловский архимандрит пошел на подлог и обманул епископа по части царского разрешения на возобновление монастыря, они высказывают следующее предположение: «То ли (Иринарх. — Т. А.) стремился восстановить уничтоженный в прошлом шведами православный монастырь, известный подвигами валаамских чудотворцев Сергия и Германа, то ли хотел освободиться от обременительного содержания братии Васильевского монастыря, что в новых условиях стало слишком тяжело. Так или иначе толчок созданию нового монастыря был дан — в 1719 г. на острове была построена первая монастырская церковь — в честь Преображения Господня с приделами во имя Иоанна Богослова и Андрея Первозванного» [5, 58]. По утверждению авторов книги, причиной деятельного участия Кирилловской обители в судьбе Валаама являлся факт приписки к ней Васильевского Староладожского монастыря (отданного валаамской общине сто лет назад), содержание которого стало тягостным для кирилловской братии. Но с этим утверждением трудно согласиться. Во-первых, потому, что строительство нового монастыря, о чем хлопотал Иринарх, является несравненно более дорогостоящим делом, чем «содержание братии Васильевского монастыря». Этот монастырь почти угас в то время по причине своей «малобратственности». А во-вторых, Васильевский Староладожский монастырь, как известно, никогда не являлся приписным к Кирилловскому. До 1687 г. Васильевский монастырь был самостоятельным, и в том же году патриарх Иоаким приписал его к Зеленецкому монастырю. С 1699 г. до уничтожения своего в 1764 г. он состоял в непосредственном ведении Новгородской митрополии. В фонде Кирилло-Бе-

лозерского монастыря не встречается никакого упоминания об этой обители. Кроме того, к нему никогда не были приписаны даже те монастыри, по которым до этого скитались валаамские иноки: Никольский Староладожский, Тихвинский и Антониев Дымский.

Значит, у архимандрита Иринарха имелась какая-то другая причина. Может быть, самая простая, экономическая? «Остров Валаамской со обретающимися на нем крестьяны и с пашней и с лесы санными покосы и со всеми угоди отдать Кириллов Белозерский монастырь в вотчину». Действительно, Кирилловский монастырь, как и многие монастыри того времени, в результате церковных реформ Петра находился уже в упадке своего благосостояния. Но вместо того, чтобы сохранить за собой валаамские вотчины в качестве статьи дохода, архимандрит Иринарх делает прямо противоположное этой цели — сразу же начинает строить вновь Валаамский монастырь, к которому, естественно, его законные владения сразу же и отходят. Кроме того, за весь приписной период с 1716 по 1736 г. Кирилловский монастырь не получал с Валаама никаких доходов, но при этом сам вкладывал собственные средства в строительство нового монастыря. По переписке двух монастырей можно судить о бедственном положении пустынной островной обители со своими «сенными покосами и рыбной ловлей» не только в начальный период ее существования, но и в более позднее время.

Об этом свидетельствуют документы, связанные с секуляризацией церковных имуществ, проведенной по манифесту Екатерины II в 1764 г., когда при введении штатов Валаам был причислен к заштатным монастырям. «В 1765 г. Духовная консистория представляла при рапорте от 10 января за № 15 в Святейший Синод, согласно его указу от 16 июля 1764 г., ведомость о том, «как в силу Высочайше утвержденного 31 марта 1764 г. доклада Комиссии о церковных имениях о безвотчинных и на своем

содержании состоящих монастырях и пустынях (Перв. Собр. Закон. Т. XVI, № 12.121) приняты из Новгородской епархии в Санктпетербургскую епархию заштатные безвотчинные монастыри, и чем точно оные себя содержать и пропитать могут, и коиж по силе аprobanteго Ея Императорским Величеством комисскаго учреждения (Перв. Полн. Собр. Зак. Т. XVI, № 12.060) 10-го и 11-го пунктов упразднены и в приходские церкви причислены. И в ведомости этой показан в Кексгольмском уезде заштатный мужской Преображенский Валаамский монастырь, в нем игумен 1, неромонах 1, монахов 7, итого монашествующих 9 человек, а служителей не имеется, в означенном монастыре игумен с братнею содержание пропитанием и одеждою и прочим исправлением имеют от подаяния богомольцев, как от приезжающих молебщиков, так и от разных чинов людей, из С. Петербурга присылаемых, а сверх того имеют небольшие рыбные ловли и получают от пристающих на берегах того монастыря ловцев, которые рыбу ловят в озере Ладожском, за употребление монастырского лесу на дрова, небольшую денежную плату» (см. Архивное дело Святейшего Синода 1764 года, № 289) [6, 118].

Вполне очевидно, что приснопамятный для Валаамской обители кирилловский архимандрит Иринарх подъял на себя труд возобновления Валаама не из соображений материальной выгоды.

Для того чтобы уяснить суть действий архимандрита Иринарха, непонятных для Феофана Прокоповича и синодальных чиновников, необходимо уяснить то значение, которое Кирилло-Белозерский монастырь имел в жизни русского монашества дореформенной России, и его историческое место среди монастырей Русского Севера.

Автор исторического исследования по Кирилло-Белозерскому монастырю за период с 1397 по 1625 г. Николай Никольский так говорит о значении этой обители для русского монашества в XV—XVI вв.: «Отношение Кирилло-Белозерского монастыря к окрестному монашеству и краю было отношением города к пригородам, которые не только тянулись к нему в силу финансовой и юридической зависимости, но и подчинялись ему как законодателю в области духовно-культурной. Помимо этого, в среде кирилловских иноков возбудился в XV в. и самый вопрос о возможности и целесообразности монашеских общежитий применительно к севернорусским условиям жизни, решение которого не замедлило отозваться на бытовом положении иночества в пределах Московского государства. Если в поступательном движении русских монастырей от Черного к Белому морю Кирилло-Белозерское общежитие было третьим выдающимся средоточием (после Киево-Печерского и Троицко-Сергиева), то этому истори-

ко-географическому его положению ничуть не уступало и его действительное значение в XV и XVI столетиях» [7, 11]. О том, что значение Кирилло-Белозерского монастыря для Севера России сопоставимо со значением Троице-Сергиевой лавры для всей России, говорили и писатели прошлого века: «Не только в наружном виде и размерах, но и в историческом значении обеих обителей поразительное сходство: из той и другой выходили мужи-подвижники, насадители иночества; та и другая служили целию богомольных походов царских и паломничества бесчисленного множества богомольцев, та и другая, в тяжкую годину междударствия, устояли против полчищ ляхов и русских изменников. Но обитель великого Сергия была тогда оплотом для всего Русского царства, обитель ученика его — только для северной окраины Русской земли» [6, 75].

О межмонастырских связях Русского Севера, сложившихся к концу XVII в., т. е. ко времени возобновления Валаамской обители, пишет в своей книге вологодский историк А. В. Камкин: «Монастыри Русского Севера, во множестве существовавшие в этом крае, к концу XVII века состояли в тесной и органической взаимосвязи. В первую очередь она была вызвана духовным преемством одних обителей от других» [9, 70].

Православные подвижники, водительствуемые Духом Святым, созидали, по закону Божию, удивительную по стройности и продуманности своего географического расположения целую иноческую страну, историческую карту которой вычерчивали впоследствии пытливые исследователи. Позволим себе и мы вслед за А. В. Камкиным процитировать описание севернорусских обителей, составленное русским историком В. О. Ключевским: «Если вы проведете от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по реке Костроме на реку Вычегду, другую по Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIV в. усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального междуречья Оки—Волги и их колоний. Небольшие лесные речки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенского озера, Нурма—Обнора, Монза, Лежа с Комелой, Пельшма, Глушица, Кушта унизывались десятками монастырей, основатели которых выходили из Троицкой Сергиевой обители, из Ростова (святитель Стефан Пермский), из монастырей Каменного на Кубенском озере и Кириллова Белозерского. Водораздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучим Комельским лесом, стал русской заволжской Фиваидой. Движение шло полосами по рекам, не соблюдая географической последовательности, делая широкие скачки от Троицкого Сергиева монастыря к Белоозеру (монастырь Кирилла Белозерского), а с Белоозера прямо на Со-

ловецкий остров, сливаясь с боковым течением, шедшим туда же, к Белому морю, из Новгорода. Во второй половине XV в. монастырская колонизация перешла из Белозерского края в бассейн реки Онеги; постриженник Кириллова монастыря преп. Александр Ошевнев поставил Ошевенский монастырь к северу от Каргополя, на притоке Онеги, получив пособие от родителей, а между тем еще в 1429 г. более ранний постриженник того же монастыря — Савватий — поставил первую келью на Соловецком острове, где вскоре после его смерти выходец из Новгорода Зосима устроил знаменитый беломорский монастырь. Колония более ранняя иногда уходила в известном направлении дальше позднейших. В промежутках между метрополиями и этими ранними колониями и между полосами колоний оставалось много углов, столь же пустынных, как и дальнейшие пространства, в которые еще не проникала ни крестьянская, ни даже монастырская колонизация. Выходцы из разных монастырей в своих пустынных поисках обращались по временам и к этим обойденным промежуточным захолустьям. Так продолжалось дело и в XVI в. В переставших дремать, но все еще глухих лесах по Шексне и ее притокам, по Костроме с Нурмой — Обнорой, по Сухоне с ее притоками Песью Денгой и Маркушей появляются новые монастырские точки. Старые метрополии высылают сюда новые колонии; иные колонии, в свою очередь, становятся деятельными метрополиями. Основанный в конце XV в. на реке Нурме монастырь преп. Корнилия Комельского, выходеца из обители преподобного Кирилла Белозерского, в XVI в. выдвинул основателей шести новых монастырей на берега Обноры, Белоозера, притока Шексны Андоги и даже Сойги, притока Вычегды. Неведомый инок Пахомий, вероятно, в самом начале XVI в. далеко оставил за собой Шексну и по Онеге продвинулся за Каргополь, поставив в 50 верстах от него к северу монастырь на реке Кене, а постриженник Пахомиев двинский крестьянин Антоний передвинулся на Двину под Холмогоры и в 78 верстах от них к югу основал среди озер на притоке Двины Сии Сийский монастырь».

«Это родство, — замечает А. В. Камкин, — в немалой степени усиливалось и тем, что основные очаги монастырей находились в районах Севера, традиционно связанных друг с другом мощными речными магистралями, озерами и волоками. Группа вологодских монастырей — самых многочисленных и тесно расположенных — по Сухоне была связана с Устюжско Соль-Вычегодским кустом монастырей, а он, в свою очередь, по Двине — с монастырями нижнего Подвинья и Беломорья. Беломорские обители по р. Онеге выходили к Каргополю, а по Выгу — к группе монастырей и пустыней Прионежья, от которых уже открывал-

ся путь к монастырям Приладожья и Олонецкого края. Еще один мощный очаг православного монашества — Белозерье — был как бы связующим звеном между вологодским очагом и новгородскими монастырями. Цепь замыкалась, и возникало грандиозное кольцо монастырей, охватывавших европейский Север России. Крупнейшие и известные обители располагались по его окружности. Внутри же кольца и за его пределами, на периферии, россыпью располагались малые монастыри и пустыни» [9, 71–72].

Одной из известнейших обителей земли Новгородской исстари являлся Валаамский монастырь. О степени известности этого монастыря и почитании его основателей — преподобных Сергия и Германа в среде русского иночества к моменту его разорения — началу XVII в. — можно судить, во-первых, по количеству монастырей, основанных выходцами с Валаама. Это Палеостровский монастырь на Онежском озере, Соловецкий монастырь (до 1429 г. на Валааме жил постриженник Кирилло-Белозерского монастыря преподобный Савватий Соловецкий, ушедший затем на Соловецкий остров, где при содействии валаамского же питомца Германа положил начало обители), Александро-Свирский монастырь, Сяндемская Успенская пустынь.

Во-вторых, о почитании преподобных Сергия и Германа свидетельствует один из литературных памятников XVI в. — «Валаамская беседа», написанная как бы от имени преподобных и посвященная вопросам монастырской жизни, имущественным правам монастырей (духовной опоре православного царства), а также вопросу о необходимости сильной единодержавной власти для Московского государства. Возникшая, по всей вероятности, в первой половине XVI в., «Валаамская беседа» получила большое распространение, так как в настоящее время имеются данные о 50 ее списках [10, 126]. «Ее широкая распространенность свидетельствует о том, что Сергий и Герман были почитаемы всей Русской Церковью, на их авторитет можно было ссылаться в общественно-политических спорах» [11, 193].

На основании письменных источников XVII в. можно судить об известности Валаамского монастыря, а следовательно, и о почитании его основателей в период полного разорения Валаама, когда бесследно исчез монастырский архив, а валаамские иноки скитались по разным обителям Русского Севера. Изучение списков «Валаамской беседы» показало, что большинство их относится ко второй половине XVII — началу XVIII в., имеются списки, которые по водяным знакам и по почерку можно отнести к первой четверти XVII в. [10, 127]. На протяжении всего XVII столетия первоначальный текст «Валаамской беседы» не

Основатели монастыря преподобные
Сергий и Герман Валаамские

только переписывался, но и получал различные продолжения и добавления в виде так называемых «Иного сказания то же Беседы», «Извета» Иосифа Волоцкого, продолжения «Извета» и «Пророчения Кирилла Новозерского» [10, 140].

Насельники северных обителей были, вероятно, хорошо осведомлены не только о том, что после разорения 1611 г. святые мощи преподобных Сергия и Германа остались на острове глубоко под спудом, но и о событиях, связанных с мощами преподобных в период шведского владычества, что позволяло предполагать, что паломничество монахов к свя-

тым местам Валаама не прекращалось и в XVII в. В книге «Валаамский монастырь и его подвижники» приведена грамота архимандрита Тихвинского монастыря (конца XVII в.) со следующим пояснением составителей книги: «В 1611 г. Валаамский монастырь, как мы видели, разорен был шведами. Запустенне на месте обители было совершенное и продолжалось сто с лишком лет. Но главное основание, фундамент прежнего Валаама, оставался еще там залогом возрождения монастыря. На острове почивали сокрытыми под землю святые мощи первооснователей Валаамской обители преподобных Сергия и Германа. Шведы в фанатических увлечениях еретическими заблуждениями лютеранства ругались над могилою святых и подумывали извлечь преподобных валаамских угодников из-под спуда на позорище, но были наказаны от Всевышнего за таковое презрение святыни. Это обстоятельство внушило Тихвинского монастыря архимандриту Макарию повергнуть на имя Российских самодержцев следующее прошение.

“Милостивые Государи и Великие Князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцы, пожалуйте нас, богомольцев своих; не дайте, великие государи, тех святых Германа и Сергия Валаамских, паче же и Российских древних, преславных чудотворцев, чудотворным их мощем у проклятых лютор в поругании быть: повелите, государи, те святыя мощи с того Валаамскаго острова от их люторскаго поругания пренести в свое царское богомоліе Пресвятыя Богородицы чудотворнаго Ея образа Одигитрии в Тихвин монастырь, дабы оне, проклятые люторы, тем не возносилися и святым нашим поругания не чинили, а за сие бы от окрестных государств, которые ныне состоят в благочестии и содержат закон греческий, поношения и укоризны не было; паче же премудрый Господь Бог, за сие им, лютором, на святыя наша попущение, на нас праведнаго своего гнева не послал. Воистину, великие Государи, тии святые Герман и Сергий, Валаамские чудотворцы, преславные, еще живи быша, и тогда прорицаху настоящая, будущая, яже о сем, великие Государи, сотворите прилежное радение, дабы тех святых Германа и Сергия Валаамских, паче же и Российских православных чудотворцев, многочисудесныя их мощи от проклятых лютор в поругании не были. За сие же вашу государскую благу ревность и за прилежное тех святых Германа и Сергия чудотворцев о вас молитвы, подаст вам Господь Бог милость Свою и покорит вам вся враги, возстающия на Православную нашу Христианскую веру под ноги ваша, о сем молим вас милостивых и премилостивых великих государей. Мы богомольцы ваши, и милости просим, великие Государи Цари, смилуйтесь”.

Благочестивые чувствования архимандрита Макария, выраженные в этом прощении, бесспорно, высоки, святы, бескорыстны и всякого уважения достойны. Но осуществление их угрожало Валааму навсегда остаться жилищем мирских людей. Перенесите только честные и многоцелебные мощи святых Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, в Тихвинскую обитель, прославленную явлением в ней чудотворного образа Божией Матери: тогда Валаамская обитель, по всей вероятности, осталась бы предметом истории и не восстанавливалась бы более... ибо с Валаама сдвинуто было бы самое ее основание. Но, по предстательству валаамских чудотворцев, Господь не восхотел, чтобы место, на котором положено основание православной веры апостолом Андреем, осталось в запустении, чтобы обитель, в основании которой почивали чудотворцы Сергий и Герман, навсегда исчезла с лица земли после многовекового своего существования» [3, 65—67].

Думается, что причиной, побудившей архимандрита Иринарха к восстановлению Валаама, было благочестивое чувство уважения к известной в прошлом обители, а также святое чувство духовного родства по отношению к ней. И главной причиной, породившей эти монастыри, явилось обстоятельство страшного разорения 1611 г. и события последующих лет, в результате которых валаамские иноки надолго лишились своей родной обители. Как известно, глубоко под спудом остались там мощи преподобных Сергия и Германа, издревле сокрытые в этой порубежной земле как залог возобновления здесь иноческой жизни. Среди святынь и церковного имущества, взятого с собою иноками в 1611 г., была и чудотворная рака, стоявшая в соборе Валаамского монастыря над местом захоронения преподобных. Авторы прошлого века, как правило, именуют ее мощами. В 1718 г., когда на месте разрушенного собора была выстроена деревянная церковь Преображения Господня, кирилло-белозерские монахи во главе с архимандритом Иринархом, привозят на Валаам необходимую для церкви и богослужения утварь и иконы, а также и «мощи» преподобных основателей монастыря. Но откуда привозят они древнюю раку? В литературе обычно указывается Староладожский Никольский монастырь — первое пристанище иноков после разорения Валаама, иногда Новгород. В книге, посвященной Староладожскому Николаевскому монастырю, о главных монастырских воротах говорится, что «через них переносились мощи преподобных Сергия и Германа на пути из Валаамского монастыря в Новгород» [10, 2]. В историко-статистическом описании Николаевского монастыря, составленном игуменом Иоанном, о периоде шведских разорений после 1611 г. читаем: «Впрочем, в сне злополучное время, обитель Николаевская

имела и утешение, которое истекало при гробницах Святых Угодников Божиих, преподобных Сергия и Германа Валаамских, ибо сюда были перенесены монашествующими нетленные мощи их и здесь пребывали некоторое время по разорении Шведами Валаамского и Коневского монастырей» [13, 6]. Как видим, пребывание раки в Николаевском монастыре было временным и о месте ее нахождения во весь период до 1718 г. ничего неизвестно. Мнение некоторых авторов, что на Валаам она была возвращена из Никольского монастыря, представляется неверным. В 1618 г. община получает в свое владение Васильевский Староладожский монастырь, находившийся на расстоянии одной версты от Николаевского, на противоположном от него берегу р. Волхова. Но о том, чтобы чудотворная рака, хотя бы временно, в период с 1618 по 1718 г. находилась в Васильевском монастыре — месте постоянного жительства валаамской общины, ничего не известно. Вряд ли валаамские иноки, поселившиеся в одной версте от своей главной святыни, не пожелали бы ее себе возвратить, если бы она сохранялась именно там.

Вот как описан многострадальный период истории Валаамского монастыря за 1611—1618 гг. в книге «Валаамский монастырь и его подвижники»: «Из движимого имущества многие вещи, даже довольно тяжеловесные, были спасены от разграбления и уничтожения. Иноки, как видно, ожидали нападения шведов и на случай его заблаговременно принимали свои меры. Так, с Валаама увезены были многие святые иконы, которые долго сохранялись в разных монастырях, кресты, ризы, колокола и казна монастырская. Равным образом многие валаамские старцы, иноки и слуги также спаслись от рук шведов, перебравшись в новгородские и псковские монастыри. Наибольшая же часть из оставшихся в живых, не желая расстаться друг с другом, будучи раз соединены прочными узами иноческого братства, удалились в Старую Ладугу. Там по царскому указу поместились они в монастыре Святителя Чудотворца Николая. В новом селении изгнанников постигло новое испытание. Шведы, разорив Ладугу, убили многих из них и захватили часть монастырской казны. Тогда оставшиеся в живых перешли в Тихвинскую Успенскую обитель. Испытания продолжались: поляки напали на Тихвин и еще многое из монастырской казны отняли. С удалением врагов от Тихвина иноки, затрудняясь в средствах к жизни, обратились к новгородскому митрополиту Исидору с испрошением себе пристанища. Святитель назначил им Антониев Дымский монастырь, но и там они не могли найти для себя прочного приюта: дымские старцы высылали их вон от себя для того, что им от них утешение. Тогда-то валаамский строитель Сильвестр с

братнею в 1618 г. подал челобитную государю Михаилу Федоровичу, в которой просил у царя дозволения поместиться в Ладожском Васильевском монастыре. Государь повелел особенною грамотою от 11 июля 1618 г. ладожским воеводам Неплюеву и Змееву отвести Васильевский монастырь для обитания валаамским старцам, дозволить им владеть вотчиною и рыбными ловлями того монастыря, строить монастырские здания и призывать братию» [3, 59].

Учитывая то обстоятельство, что Приладожье подвергалось шведским набегам вплоть до начала XVIII в., особый интерес представляет по этому вопросу мнение известного историка Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии И. Чистовича: «О самой драгоценной святыне валаамской — мощах преподобных Сергия и Германа — известно только, что они вынесены были с острова иноками; но нет никаких известий о том, где они сохранялись во все время шведского владычества, в Никольском Староладожском монастыре или в другом каком. Участие иноков Кириллова Белозерского монастыря в перенесении св. мощей на Валаамский остров позволяет принять такую мысль, что они сохранялись в Белозерском монастыре» [14, 76].

Действительно, в годы смуты Кирилло-Белозерский монастырь остался единственным монастырем на севере России, который не смогли одолеть воровские шайки, хотя не было еще в то время вокруг него высоких оборонительных стен. Вот как переживала то бедственное для всей России время обитель преподобного Кирилла: «...поляки, литовские люди и русские разбойники из-под Москвы направились к северу и в белозерских краях появились к концу 1610 г. В 1611 г. сообщение по этому краю сделалось уже опасным и Кириллов монастырь оказался в осаде. Теперь начались трудные годы для Кириллова монастыря. Вологда, Белозерск и Чаронда (тогда это маленькое село было городом) были врагами взяты, выжжены, и люди в них посечены. На всем Севере оставался невредимым один Кириллов монастырь. Поляки, литовские люди, черкесы и казаки, направляясь к севе-

ру, стремились к Кириллову монастырю; сюда их привлекали богатства обители. Чтобы покончить с обителью, не раз враги, скопившись, нападали на нее приступом; но всякий раз осажденные, прося у Всещедрого Бога милости, стойко бились с врагами и “Божиею милостию и Пречистыя Богородицы помощию и преподобного чудотворца Кирилла молитвами” злых врагов побивали... Особенно опасен был приступ 10 декабря 1612 г. под начальством пана Песоцкого. Но с этим приступом враги не рассеялись; они не раз еще покушались завладеть Кирилловым монастырем. Не имея успеха в приступах, они отходили от Кириллова, грабили его вотчины, убивали людей и беспрестанно ходили войною по всему Белозерскому краю. В 1618 г. здесь были еще литовские люди. Таким образом, Кирилловский монастырь держался в осаде около восьми лет. Это хотя не была правильная осада, но во всяком случае трудная и тяжелая. В монастыре тогда жило братии и всех людей более тысячи человек, сюда сбегались от врагов и окрестные люди» [15, 12].

Сюда-то, в «крепость неодолимую» Русского Севера, по всей видимости, и перенесли когда-то валаамские иноки свою главную святыню — раку преподобных Сергия и Германа Валаамских с чудотворным их надгробным образом. Приведем сведения о том, как могла выглядеть эта драгоценная ноша валаамских иноков. В сочинении перомонаха Мисаила, находившегося на Валааме в 1812 г., а с 1814 г. — на Коневце на покое, говорится, что в Преображенском соборе, в нижней церкви во имя преподобных Сергия и Германа, «над мощами их поставлена одна рака, имеющая вид как бы двух гробниц. На верхней доске раки изображены лики сих преподобных» (ОР РГБ. Ф. 96. № 17 (М. 2639.1). Л. 12). В описании епархиального древлехранилища в Валаамском монастыре, изданном в 1913 г., среди икон значатся под номерами 142 и 143: «Преподобный Сергий, Валаамский чудотворец. Изображен в пояс, с закрытыми глазами. Находился на древней раке. На холсте, размер 19 на 13 вершков. То же — с изображением преподобного Германа Валаамского чудотворца» [16].

Кирилловские иноки — возобновители духовных традиций Валаама

О всем предшествующем периоде истории Валаама до 1611 г. известно очень мало. Не сохранилось житий основателей монастыря — преподобных Сергия и Германа. К моменту возобновления обители не осталось уже живых носителей валаамской традиции. Поэтому особый интерес в процессе возобновления Валаама представляет вопрос о возрождении его духовных традиций спустя 100 лет иноками

далекого Кирилло-Белозерского монастыря. Среди этих традиций ярко выделяются две: традиция особого почитания памяти апостола Андрея Первозванного и традиция наименования Валаама Северным Афоном.

Относительно первой можно сказать следующее. Во-первых, в честь апостола Андрея был освящен один из двух приделов деревянного Спа-

со-Преображенского собора, построенного кирилловскими иноками в 1719 г. Какими сведениями руководствовался при этом архимандрит Ирнарх — мы не знаем. Предание о посещении Валаамских островов апостолом Андреем во время его благовестнического пути по Русской земле становится известным валаамским инокам только в начале XIX в. благодаря исследователю А. И. Сулакадзе, который приобрел в научном мире репутацию мистификатора и фальсификатора древних рукописей. При изложении этого предания он ссылается на никому не известные документы. Но в данном случае большой интерес для источниковедов представляет этнографический материал, который не противоречит сведениям Сулакадзе. Так, в селе Грузине Новгородской губернии в середине XIX в. было записано местное предание, очень архаичное по своему характеру. Вот что записал в прошлом веке со слов местного жителя, своего проводника и «путеводителя», один любознательный путешественник, крестьянин из Ярославской губернии Александр Артынов, о высоком холме села Грузина: «По словам моего путеводителя, на этом холме стоял терем Новгородского князя Перея-Тучи, у которого сын был опасно болен; кто-то сказал отцу, что он излечится только кровью и водой; вследствие этого находящиеся здесь жрецы убивали всех странных, плывущих рекой Волховом, и кровью их мазали больного, кровь потом смывали водою р. Волхова; в числе странных взят был и святой апостол Андрей Первозванный, едущий по реке Волхову в Ладожское озеро. Когда привели апостола к Перею, то болящий сказал отцу, что этот странный исцелит его от болезни. Так и сбылось. Апостол одним словом исцелил болящего, крестил в христианскую веру и приобщил телом и кровью Искушителя весь дом князя Перея Тучи. Так исполнилось предсказание, что от воды и крови исцелен будет сын Перея-Тучи». Затем Артынов продолжает: «После уже, в 1840 г., я, списывая рукопись стольника Андрея Богдановича Мусина-Пушкина, встретил в ней следующее: “Князь Перей-Туча получил себе имя Иоанна, которого апостол рукоположил во перя новокрещенным им христианином, а брата княжого Мунга Германа апостол на корабль взял с собою и оставил его проповедовать веру Христову язычникам на острове Валааме на том же море Неве находящимся. Жрецы изгнанные Переем-Тучей с безчестием из дому, воздвигли против его в Новеграде великую крамолу, от которой он ушел в Ростовскую область к другу своему Землесилу со всем домом своим и со всеми христианами паствы своей и поселился с ними на берегах реки Могилки” [17, 52].

Говоря о причинах возобновления на Валааме архимандритом Ирнархом традиции почитания

апостола Андрея, можно предположить, что таким же образом — в виде устного предания — сведения о посещении апостолом Валаамской земли могли сохраняться на протяжении всего XVII в. в памяти севернорусского монашества, тщательно оберегавшего свои вековые духовные традиции.

Еще одной интересной духовной традицией Валаама является уподобление его Афону. Славу «Северного Афона», а также «Русского Афона» Валаам приобретает в первой половине XIX в., когда на архипелаге, подобно Афону, процветали все три формы иноческой жизни — общежительная, скитская и отшельническая. Это духовное возрождение Валаама произошло при игумене Назарии (годы игуменства 1782—1801) под руководством незабвенного в истории русского монашества митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова; † 1801), который заботился прежде всего о восстановлении духовных традиций знаменитых некогда монастырей епархии, находившихся к концу XVIII в. в состоянии упадка. О том, что уже в XV в. на Валааме процветали все три вида иноческого жития — общежитие, особенное единоедушное пребывание «по двама и трием» (т. е. скитское житие) и отходное уединенное молчание (отшельничество), известно из жития валаамского преподобного Александра Свирского († 1533), которое было составлено его учеником Иродионом. Но у нас есть основание предполагать, что возрождение афонской традиции на Валааме (развитой при игумене Назарии под руководством митрополита Гавриила) было возобновлено в идее еще в начале XVIII столетия кирилловскими иноками.

Вспомним, что в середине XVIII в. они помогли патриарху Никону при строительстве Валдайского Иверского монастыря, расположенного на острове Валдайского озера. По словам о. Льва Лебедева, «став патриархом Московским и всея Руси в 1652 г. он (Никон. — Т. А.) прежде всего приступает к постройке Иверского Валдайского монастыря во образ Иверской обители на Афоне и даже шире — во образ всей Святой Горы... Это первый опыт создания на Русской земле достаточно отвлеченного, условного (лишь в каких-то самых общих чертах) подобия святому месту Православного Востока» [18, 38].

Главной святыней монастыря должна была стать копия с чудотворной Иверской Афонской иконы Божией Матери «Портатисса» («Вратарница»). Как известно, самый первый список с этой иконы появился в России только в XVII в. Он был принесен в Москву афонскими иноками 13 октября 1648 г. По вступлении на патриарший престол Никон с соизволения царя Алексея Михайловича отправил на Афон искусных живописцев снять новый список с древней Иверской ико-

ны, а также план Иверского монастыря. В 1654 г. новописанная икона была принесена в Валдайский монастырь афонским иеромонахом Корнилием. Патриарх Никон торжественно освятил Успенский собор монастыря 15 августа. В нем и была поставлена икона — главный внешний признак подобия этой островной обители не только Афонскому Иверскому монастырю, но и всему греческому Афону — уделу Матери Божией.

В 1720-х годах по благословению архимандрита Иринарха на Валааме строится новая церковь — Успенская, с приделами апостолов Петра и Павла (упоминается как вновь отстроенная в 1727 г.). При этом кирилловскими иноками-строителями был «на церкви Успения Пресвятой Богородицы со внешней полуденной ее стороны поставлен образ Пресвятыя Богородицы Иверския писан на красках». (РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 2573. Л. 36).

В России, пожалуй, ни один из островов, на котором обосновалась иноческая община, не имеет столько внешнего сходства с греческим Афоном, как Валаам. И не только природное сходство, но и естественное удобство, которое представляет этот обширный остров для монашеской жизни, соделало его более предпочтительным в сравнении со многими другими островными обителями для устройства здесь подобия иноческому Афону по главному, содержательному признаку — заведению всех трех родов иноческой жизни: киновиального,

скитского и отшельнического. Выражение афонской идеи устройства монастыря в середине XVII в. получило главное видимое свое воплощение через афонский чудотворный образ Божией Матери «Портатисса», т. е. Иверской иконы (Валдайский монастырь). Также и помещение этого образа на внешней стене Успенского храма в Валаамском монастыре нельзя считать случайным. Это было сделано кирилловскими иноками в знак памяти о существовавшей здесь издревле афонской традиции иноческого жития и как залог ее возрождения.

Значение Кирилло-Белозерского монастыря в жизни края и всего северного монашества только еще предстоит оценить. Благодаря своему высокому духовному авторитету и имущественному состоянию обитель преподобного Кирилла в наиболее трудную для иночества и Русской Церкви эпоху (XVII—XVIII вв.) смогла поддержать огонь священных лампад в обителях многих святых земли вологодской, помогла не прервать молитву у святых гробниц, не допустила водвориться «мерзости запустения» в угасающих обителях. Некоторые из них обрели в XIX столетии новое молитвенное дыхание, прославились своими подвижниками.

Изучение материальной стороны жизни крупной обители только лишь вкупе с ее духовными традициями позволит более полно раскрыть характер широких межмонастырских связей столицы Северной Фиваиды — Кирилло-Белозерского монастыря.

Литература

1. *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края. XV—XVI вв. М.; Л., 1951.
2. *Иаков*, архимандрит. Летопись событий Кирилло-Белозерского монастыря с 1397 по 1893 год. // Архив Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40.
3. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903.
4. ФИРИ РАН СПб. Кол. 238. Оп. 2. Д. 319/1.
5. *Спиридонов А. М., Яровой О. А.* Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия: Очерки истории Валаамского монастыря. М., 1991.
6. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова: Журнал о походах в Соловки и на Валаамские острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 гг.) // Памятники древней письменности. 1888. Т. LXXI.
7. *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1.
8. *Толстой М.* Путевые письма с Севера. М., 1868.
9. *Камкин А. В.* Православная Церковь на Севере России. Вологда, 1992.
10. *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики XVI века. М.; Л., 1958.
11. *Киркинен Х.* Основание Валаамского монастыря // Тысячелетие Крещения Руси: Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21—28 июля 1986 года: Материалы. М., 1988.
12. Староладожский Николаевский монастырь. СПб., 1862.
13. Историко-статистическое описание заштатного Староладожского Николаевского монастыря. Сост. игумен Иоанн. СПб., 1865.
14. *Чистович И.* История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.
15. Кирилло-Белозерская икона Божией Матери «Одигитрия». Одесса, 1902.
16. Епархиальное древлехранилище в Валаамском монастыре: Краткое описание. СПб., 1913.
17. Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова. М., 1882.
18. *Лебедев Лев*, протоиерей. По образу и подобию // Человек и природа. 1990. № 4.